

Теоретическая культурология

Алексеев С.В.

Историк и коллективная историческая память (на примере отношения к былинному эпосу)

Аннотация. В статье на примере эволюции отношения классической русской историографии XVIII–XIX вв. к былинному эпосу рассмотрена проблема взаимодействия исторической науки и коллективной памяти. В качестве примеров анализируется восприятие былин и сведений былинного происхождения в летописях В.Н.Татищевым, М.М.Щербатовым, Н.М.Карамзиным, С.М.Соловьевым, Д.И.Иловайским. Затрагивается воздействие научных и социальных факторов на восприятие былин в исторической научной литературе. Показано, что научные дискуссии об историзме былин минимально воздействуют на массовое сознание, где эволюция восприятия эпоса развивается по собственной логике. Делается вывод о естественности независимого сосуществования «академического» и «фольклорного» измерений истории, о бесперспективности попыток их слияния.

Ключевые слова: историческая наука, историография, эпос, былины, фольклор, массовое сознание, историческая память.

С самого появления исторической науки в древнем мире перед ней стояли вопросы взаимодействия с коллективной исторической памятью, ее восприятия и использования. По самой своей природе история – наука критическая. Ее целью с момента зарождения являлось осознание причин «гибели царств», – установление, суммирование и анализ как негативного опыта прежних, переставших существовать общественно-политических систем с целью недопущения его повторения, так и опыта позитивного, полезного к использованию. Коллективная историческая память любого народа, со своей стороны, акцентирована на отборе преимущественно позитивного опыта, прославлении «своих» подвигов и свершений, что естественно отражается и в историческом предании, и особенно в героическом эпосе. Конечно, эпос не отторгает и

трагических тем, но он не предназначен для анализа и суммирования больших объемов исторической информации, ориентирован на конкретный сюжет. В рамках такового любые исторические проблемы неизбежно сводятся либо к личным взаимоотношениям персонажей, либо к внешним демонизированным силам. С этой точки зрения коллективная память естественным образом мифологична, создает высокий Миф об истории.

На протяжении веков это подспудное (и кажущееся, ибо речь о несовпадении задач) противоречие сглаживалось разницей в адресации исторического труда и исторического фольклора. Первый был обращен к элите и играл роль морально-политического «учебника» для власть предержащих. Особняком стояли, правда, произведения о новейших временах, чаще всего панегирические по отношению к «правлящим». Предание же и эпос были обращены не только, а затем и не столько к элите общества. При этом критический подход по отношению к тому, о чем «говорят», к сведениям «поэтов» был нормой для историков начиная с античности. С появлением критической науки нового времени он был подкреплен достижениями источниковедения. Однако новейшее время – со всеобщим образованием и расцветом научно-популярной литературы – принесло своеобразный психологический конфликт, выход из которого крайне затруднителен, если вообще возможен. С одной стороны, восприятие научной истории многократно возросшим в числе потребителем гораздо больше стало зависеть от «фольклорного» взгляда на нее – читатель, как правило, ожидает от историка воспроизведения если не уже знакомого, то приемлемого для себя взгляда. С другой стороны, происходит закономерная подмена понятий – научная история, поскольку служит источником для массовых знаний, начинает восприниматься элитой как элемент «пропаганды», и от нее ждут не столько анализа прошлого, сколько подтверждения и закрепления позитивных сторон коллективной памяти.

Не вдаваясь в заведомо спекулятивные рассуждения по поводу движущих мотивов, «справедливости» или «несправедливости» таких ожиданий, рассмотрим (как пример) ***эволюцию научного отношения к эпической традиции на русском материале XVIII–XIX вв.***

Русский былинный эпос дает пример весьма характерный – ввиду своей относительно поздней подробной фиксации на взгляд историков нового времени он был заведомо «неисторичен». Вместе с тем, для своих носителей и слушателей былины столь же несомненно являлись несущей составляющей исторической памяти, «подлинной» историей. В качестве базового материала сопоставим отношение к эпосу ведущих авторов ранней русской критической историографии, составителей обобщающих историй, включавших древнерусский период.

В средние века, когда эпос бытовал в среде господствующих слоев населения и, с другой стороны, возникающие новые эпические сюжеты с участием исторических лиц не потеряли еще прямой связи с реальностью, прототипы позднейших былин прямо использовались в летописях. Так создатель «Повести временных лет» внес в летописание эпико-легендарные сюжеты о богатыре-кожемяке и белгородском киселе. С XIV века в летописных рассказах о битве на Калке используется «Описание об Александре Поповиче» – прототипе былинного Алеши Поповича,

древнейшая форма записи эпических сказаний о нем. Кульминации этот процесс достигает в Никоновской летописи первой половины XVI в. Здесь двор князя Владимира Святого предстает почти таким, каким мы знаем его из записей былин нового времени. Князю служат богатыри, которые сражаются с разбойниками и кочевниками, – причем не только с реально воевавшими тогда с Русью печенегами, но и с пришедшими спустя век половцами. Среди богатырей Владимира теперь и Александр Попович, что не мешает ему в той же летописи сложить голову спустя два с половиной века на Калке. После XVI в., однако, процесс прямого восприятия былин в «высокую» писаную историческую традицию прерывается. Сюжеты фольклора в XVII в. используются в основном для «реконструкции» (весьма вольной) сюжетов доисторических (вроде описанных в полном фантастики и домыслов «Сказании о зачале Новаграда»). Основной же массив эпических сказаний теперь, видимо, уже воспринимался образованными людьми как излишне фантастический, годящийся лишь для «неполезных повестей». Таковые как раз в это время появляются – первые записи-пересказы былин о богатырях и Идолице, о Сухане, об Илье Муромце и Соловье Разбойнике.

Вместе с тем, при рождении русской критической историографии в XVIII в. для ее представителей еще не стояла задача оценки исторической и источниковой значимости эпоса. Записи эпических текстов (в том числе новые) не публиковались, циркулировали в основном в среде мелкого дворянства, низшего духовенства, посадских, где былины еще продолжали бытовать. Для историков-аристократов, таких, как В.Н. Татищев или М.М. Щербатов, эпос не являлся хорошо знакомой материей. Вместе с тем, Татищев с былинами был знаком и склонен скорее относиться к ним как к заслуживающему доверия источнику: «Песни древних, хотя они не таким порядком складываны, чтоб за историю принять было можно, однако ж много можно в недостатке историй из оных нечто к изъяснению и в дополику употребить, как видим Омера, песнями нечто в память оставившего. Стрыковский в недостатке истории литовской сказывает, что из песен брал. Я прежде у скоморохов песни старинные о князе Владимире слышал, в которых жен его именами; також о славных людях Илие Муромце, Алексие Поповиче, Соловье разбойнике, Дюке Стефановиче и пр. упоминают и дела их прославляют, а в истории весьма мало или ничего. В пример сему о Путяте, н. 45, я ис песни изъяснил. Но я жалею, что ныне таких песен списать не застал» [1]. Упомянутое примечание о Путяте (оба примечания даны к тексту т.н. Иоакимовской летописи, вероятный компилятор которой по заказу Татищева, Мельхиседек Борщов, на «песни» ссылался) следующее: «В песнях же старинных об увеселениях Владимира тако поют: Против двора Путятина, против терема Зыбатина старого Путяти темной лес. Ис чего можно видеть, что знатный муж был» [2]. Едва ли не под влиянием «песен» в Иоакимовской летописи появились и Путята как современник Владимира Святого, и доисторический князь Владимир «Древний», якобы правивший еще до Рюрика.

И В.Н. Татищев, и М.М. Щербатов почти бездумно воспроизводили сведения Никоновской летописи о богатырях Владимира. Ни того, ни другого автора не смутило даже появление «храбра» Александра Поповича в начале XI и в начале XIII в. – это было даже не прокомментировано. «Магия» средневекового летописного текста сильно воздействовала на

первых русских историков, подчас полностью лишая рефлексии по поводу происхождения этого текста.

Ситуация изменилась с появлением «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, завершившего складывание критической историографии в России. В рамках его научно-критического подхода к историческим источникам нашлось место и определению отношения к былинному эпосу. Следует отметить, что первый приобретший известность сборник русских былин Кириши Данилова готовился к печати практически одновременно с первым томом «Истории» и вышел через год после нее, в 1804 г. Оценка Карамзиным источникового значения былин и их влияния на средневековые источники в принципе сохраняет значение и поныне: «Кроме преданий Церкви и нашего первого Летописца о делах Владимировых, память сего Великого Князя хранилась и в сказках народных о великолепии пиров его, о могучих богатырях его времени: о Добрыне Новгородском, Александре с золотою гривною, Илье Муромце, сильном Рахдае (который будто бы один ходил на 300 воинов), Яне Усмошвеце, грозе печенегов, и прочих, о коих упоминается в новейших, отчасти баснословных летописях (прим. 491: См. Никон. Лет. Мощи Ильи Муромца, известного нам только по сказкам, хранятся в пещерах Киевских). Сказки не История; но сие сходство в народных понятиях о временах Карла Великого и Князя Владимира достойно замечания; тот и другой, заслужив бессмертие в летописях своими победами, усердием к Христианству, любовью к Наукам, живут доныне и в сказках богатырских» [3].

Во второй половине XIX в. **историзм былин**, уже записанных и опубликованных к этому времени в достаточном количестве, во многих вариантах, **впервые становится предметом острых научных споров**. Складываются «историческая» и «мифологическая» школы, почти в равной степени односторонние по подходу. Стремление увидеть в привычных фольклорных сюжетах реальную историю, возможно, было отчасти связано и в России, и в других странах, с демократизацией науки, с приходом в нее выходцев из тех слоев, для которых фольклор был естественной стихией.

Показательно, что С.М. Соловьев, чье творчество в целом лежало в русле «положительной науки», основанной на четких источниковых доказательствах, в отношении былин показал себя принципиальным «истористом». На «предание, сохранившееся в песнях» он ссылается в связи с характеристикой личности князя Владимира как на равноценный источник. Далее историк рассматривает «песни» подробнее: «Обыкновенное содержание старинных песен составляет пиры Владимира, на которые собирались богатыри. Время Владимира было благоприятно для богатырства: дружина не уходила с князем в далекие страны искать славы и добычи; при Святославе, например, трудно было выказаться богатырям и внести свои подвиги в народную память, потому что князь был в челе дружины и был сам богатырь из богатырей, дружинники были только похожи на него; притом подвиги их совершались в далеких странах: если и были певцы в дружине при князьях, то песни их мало могли найти сочувствия в народе, для которого их содержание было чуждо. Но при Владимире другое дело: дружина была храбрая, дела ей было много, шла беспрестанная борьба с варварами, и эта борьба происходила на глазах русского

народа и шла за самые близкие его интересы: отражение печенегов, поимка какого-нибудь страшного разбойника была для него поважнее блистательных подвигов Святослава в Болгарии; притом же сам князь Владимир не был богатырем из богатырей, отсюда богатырство дружинников выказывалось резче, отдельные предприятия часто поручались мужам из дружины княжеской, которые таким образом могли выказаться. Предмет песен по большей части — борьба богатырей с степными варварами, печенегами, которые после получили в песнях имя *татар*. Упоминаются еще подвиги богатырей против разбойников; летопись также говорит об умножении разбойников, и сохранилось имя одного из них, Могута, который был пойман в 1008 году и покаялся в доме у митрополита. Можно думать, что разбойники умножились вследствие бегства тех закоренелых язычников, которые не хотели принимать христианства; разумеется, они должны были бежать в отдаленные леса и жить на счет враждебного им общества; отсюда может объясниться религиозное уважение, соединенное с памятью о некоторых богатырях Владимирова времени. например об Илье Муромце, которому приписываются подвиги против разбойников на отдаленном финском севере, где язычество долго находило себе убежище. В летописи сохранились имена следующих богатырей Владимирова времени: Яна Усовича, или Усмошвеца (кожевника, от усние — кожа и шью), который убил печенежского богатыря, и потом упоминается также под 1004 годом как победитель печенегов; Александра Поповича, разбившего печенегов, приведенных каким-то изменником Володарем, которого летописец упрекает в забвении благодеяний князя своего Владимира, потом Попович разбил печенегов вместе с Усмошвецем в 1001 и 1004 годах; Рагдая удалого, ходившего на триста воинов: его смерть показана под 1000 годом; Андриха Добрянкова, отравленного слугами в 1004 году» [4].

Таким образом, даже летописные свидетельства о былинных богатырях у С.М. Соловьева вновь предстают как в основном достоверные. Казус с двухсотлетней биографией Александра Поповича, наиболее приметное свидетельство исторической вольности эпоса, у него не удостоился внимания – в связи с событиями начала XIII в. историк ростовского «храбра» совсем не упоминает.

Скорее парадоксально, что гораздо менее строгий во многих отношениях, часто склонный к наивно понимаемому «патриотизму» историк-охранитель Д.И. Иловайский (кстати, такой же разночинец, как и С.М. Соловьев) в данном конкретном случае оказался критичнее старшего коллеги. Его точка зрения в целом совпадала с карамзинской и, несомненно, на последнюю и ориентировалась: «Известно, что Владимир и его богатыри сделались героями былевых народных песен на востоке Европы, подобно тому, как Карл Великий и его паладины - на западе. Народ дал ему название "ласкового князя" и "красного солнышка". Но песенный Владимир, конечно, далек от Владимира исторического. В песнях смешаны предания о разных эпохах и событиях и отнесены к одному Владимиру. Песенные богатыри, окружающие Владимира (Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович и пр.), суть лица, вымышленные народной фантазией; хотя некоторые пытались открыть в них лица исторические и ссылались на летописи, в которых упоминаются, например, Рагдай Удалой и Александр Попович. Но последние встречаются только в позднейших летописных сводах, куда занесены, очевидно, из баснословных

преданий и народных былин» [5]. В некотором смысле именно эта позиция подытоживает научный мейнстрим XIX в. – и, при всей продолжающейся полемике «истористов» и «мифологистов», во многом остается в силе. В этом смысле не оказало воздействия (хотя, возможно, несколько усилило позиции «истористов») новое, гораздо более радикальное послереволюционное обновление научной страты.

С другой стороны, и на коллективное народное сознание научные споры об историзме былин оказывали удивительно мало воздействия даже в XX в. Невзирая на рост образованности и появление масс-медиа былинные сюжеты (и по крайней мере образы) **присутствуют в массовой памяти как составная часть представлений о Древней Руси**. Если они и воспринимаются как вымысел или легенда, то и другие образы древнерусской истории у непрофессионала часто вызывают подобное же отношение – распространено мнение, что о том времени «ничего с точностью не известно». О том же, что народное сознание вполне способно воспринять идею высокого «подлинного Мифа» и хранить древний образ именно в этом качестве, свидетельствует следующий характерный пример. Записанный в 1978 г. на Печоре от информатора 1935 года рождения со средним образованием, уже не сказителя, короткий прозаический пересказ былин об Илье Муромце завершается следующей уверенной сентенцией: **«Илья Муромец и до сих пор живет. Староверы говорят, что Илья Муромец – это Россия»** [6].

Рассмотренное в этой статье свидетельствует, в конечном счете, о следующем. Попытки «смешать» научный и «фольклорный» подходы к истории в ту или иную сторону бесперспективны. Каждый из них продолжает существовать в собственном праве, причем основной поток науки не растворяется в коллективной памяти, а та, в свою очередь, продолжает жить независимо от научного отношения к ее элементам.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ
(грант № 17-06-00008А, «Устная историко-эпическая традиция
в древнейших памятниках славяноязычной литературы»)*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. М., 1994. С. 115.

[2] Там же. С. 118–119.

[3] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 1. М., 1988. С. 141–142.

[4] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т.1. М., 1988. С. 191, 193.

[5] *Иловайский Д.И.* Становление Руси. М., 1996. С. 74.

[6] Былины Печоры. Т. 2. СПб. – М., 2001. С. 350.

© Алексеев С.В., 2017.

Статья поступила в редакцию 10.04.2017.

Алексеев Сергей Викторович,

доктор исторических наук, профессор,

заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета, председатель

Историко-просветительского общества «Радетель» (Москва),

e-mail: salekseev@mosgu.ru

Alekseev S.

**The Historian and collective historical memory:
attitude to the folk epic as an example**

Abstract. The article is considered the problem of the interaction of history and collective memory on the example of the evolution of the attitude of classical Russian historiography XVIII-XIX centuries for the folk epic. As examples, we analyze the perception by V.N. Tatischev, M.M. Shcherbatov, N.M. Karamzin, S.M. Solovyov and D.I. Ilovaisky of the epics and of the data of epic origin in the Russian medieval annals. Is affected the impact of scientific and social factors on the perception of epics in the historical literature. It is shown that the scientific debate about the epic historicism have the minimal impact on the mass consciousness, where the evolution of the perception of the epic develops in its own logic. The conclusion is the independent natural coexistence of “academic” and “folklore” measurements of history, the futility of attempts to merge them.

Key words: historiography, historical science, epic, byline, folklore, mass consciousness, historical memory.

Alekseev Sergey Viktorovich,

D. in History, professor,

Head of Department of History, Moscow University for the Humanities,

Chairman, Historical-Educational Society “Radetel”.